

Литература

1. Брутян, Г.А. Язык и картина мира / Г.А. Брутян // Научные труды высшей школы. Философские науки. – М., 1973. – № 1. – С. 108–111.
2. Бутромеев, В.П. Мифы и легенды древних славян / В.П. Бутромеев. – М.: Вече, 2007. – 233 с.
3. Грушко, Е.А. Словарь славянской мифологии / Е.А. Грушко. – Н. Новгород: Рус. купец: Братья славяне, 1995. – 367 с.
4. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedu.ru/BigEncDic>. – Дата доступа: 03.04.2024.
5. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов – М.: Наука, 1976. – 356 с.
6. Лебедев, А.В. Логос Гераклита. Реконструкции мысли и слова / А.В. Лебедев. – СПб.: Наука, 2014. – 533 с.
7. Маслова, В.А. Лингвокультурология. Введение: учебное пособие для вузов / В.А. Маслова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 208 с.
8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов. 4-е изд., доп. – М.: А ТЕМП, 2006. – 938 с.
9. Токарев, С.А. Символика огня в истории культуры / С.А Токарев // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 5. – С. 36–41.
10. Токарев, С.А. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х томах / С. А. Токарев. 2-е изд., – М.: Советская энциклопедия, 1987-1988. – 671 с.

T.N. Kruchenkova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

e-mail: tanya.kru4enkowa@yandex.by

Images of the element of fire in Russian folk art

Key words: fire, element, folklore, ritual culture, spiritual values.

The article examines the images of the element of fire in Russian folk art. They reflect the spiritual and moral values of Russian people. Fire is one of the oldest tribal cults dating back to the era of the primitive communal system. The worldview and ritual culture of our ancestors, associated with the cult of fire, has been preserved to the present day in the works of Russian literature and folklore.

А.И. Куляпин

Алтайский государственный педагогический университет;

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

e-mail: iskander58@mail.ru

УДК 82-32

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ: ПОЭТИКА РАССКАЗА В.М. ШУКШИНА «ПЬЕДЕСТАЛ»¹

Ключевые слова: В.М. Шукшин, поэтика, символ, композиция, двойничество.

Особенности поэтики позднего Шукшина рассмотрены в статье на материале рассказа «Пьедестал» (1973). Главный герой рассказа художник-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 23-18-00408 <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

самоучка, бывший фальшивомонетчик. Символика фальшивых денег увязывается Шукшиным не столько со сферой искусства, сколько со сферой морали. Вступая в диалог с Ницше и Толстым Шукшин соединяет проблематику этическую с эстетической. Еще одна грань символики фальшивых денег связана со стремлением человека уйти от реальности.

При жизни В.М. Шукшина рассказ «Пьедестал» публиковался только однажды – в журнале «Сельская молодежь» (1973, № 5). Это вовсе не значит, что в творчестве писателя рассказ занимает маргинальное положение. Наоборот, есть все основания считать его одним из программных произведений позднего Шукшина.

Главный герой «Пьедестала» органично включается в галерею шукшинских «странных людей»: об этом свидетельствует уже черновой вариант заглавия рассказа – «Странности Константина Смородина» [1, с. 507]. Обратив внимание на однотипность названий «Странные люди» и «Энергичные люди», Б. Рясенцев отмечал, что Шукшин «первому эпитету придал одобрительный оттенок, а второму – яростно иронический» [3, с. 268]. Оппозиция «странный» – «энергичный» определяет расстановку персонажей и в «Пьедестале».

Константин Смородин и его жена Зоя одновременно и двойники и антагонисты. Их сближает не только общее тюремное прошлое, но и многое другое. И герой, и героиня в начале рассказа охарактеризованы как странные личности: «И – странно тоже – почему-то его не интересовало, о чем она думает»; «тему и сюжет подсказала жена Константина Смородина, эта странная задумчивая женщина» [6, с. 229, 231]. Зоя, однако, в итоге все-таки предстает в образе «энергичной хищницы»: «Жена Смородина, когда вселяла в слабого, суетливого мужа дух борьбы и протеста, сама на глазах хорошела: глаза совсем темнели, становились как будто еще больше, ноздри прямого носа вздрагивали, верхняя губа хищновато дергалась кверху и на ней явственней обозначался темный пушок. Смородин, парализованный ее волей, вынимал изо рта мундштук, слушал, смотрел...» [6, с. 234].

Сделав героя, бывшего фальшивомонетчика, художником, Шукшин проблематику этическую соединил с эстетической. Для первых читателей важнейшей составляющей рассказа «Пьедестал» была полемика с искусством модернизма. В редакционном «Слове о писателе», сопровождавшем публикацию рассказа в журнале «Сельская молодежь», было сказано: «Герой рассказа “Пьедестал” – человек, далекий от искусства, от творчества, не обладающий искрой таланта. Но ему внушили, что все это у него есть. И он усиленно пробивается в “гении”, избирая, казалось бы, самый верный, самый безотказный путь – создать нечто настолько выходящее из ряда вон, чтобы поразить всех. Поэтому он не просто пишет, он “придумывает” картину. И здесь, как всегда, писатель удивительно точно попал в цель, изобразив типичный путь в “гении” иных современных “ремесленников от искусства”, рядящихся в тогу модернизма» [5, с. 44].

Если судить по картине «Самоубийца» и тем замыслам, которые Константин Смородин обсуждает со своей женой, его действительно трудно назвать реалистом. «Тут ни примитивизма, ни реализма...» – скажет о полотне Смородина «настоящий» художник Коля [6, с. 237]. Примечательно, что именно жена наталкивает Константина на проекты модернистского толка. При очевидном недоверии Шукшина к антиреалистическим направлениям в искусстве уподобление художника-модерниста фальшивомонетчику закономерно и ожидаемо. А поскольку в рассказе упомянут типичный образчик искусства высокого сталинизма – полотно Ф.С. Шурпина «Утро нашей Родины» (1946–1948), и сам Смородин не прочь добиться признания, нарисовав какого-нибудь «передовика на комбайне», художника-соцреалиста также можно уподобить фальшивомонетчику.

Фрагмент, в котором рассказывается об участии Константина Смородина в изготовлении фальшивых купюр, и история создания картины «Самоубийца» построены на инвариантной схеме. И в том и в другом случае герой пассивен, он – послушное орудие в чужих недобрых руках. И в том и в другом случае Константина Смородина в отличие от его партнеров интересует только «чистое искусство»: «И все же самое удивительное во всем этом было, наверно, то, что Смородин вовсе не думал о деньгах. И когда он участвовал в изготовлении фальшивок, и тогда он не думал о деньгах – о том, чтоб иметь их много-много. Ему нравилось, что его, самодельного художника, признают талантливым, что где-то кто-то очень нуждается в его работе, и он старался делать, что ему положено было делать хорошо» [6, с. 234]. Не думает «Смородин о деньгах и в процессе работы над «Самоубийцей». С учетом последнего обстоятельства главным фальшивомонетчиком в «Пьедестале» следует считать не художника Константина Смородина, а его жену Зою, работающую «по финансовой части».

Символика фальшивых денег увязывается Шукшиным не столько со сферой искусства, сколько со сферой морали. Жена Константина Смородина «не рисовала фальшивых денег, она не умела рисовать, она где-то в каких-то серьезных бумагах подставляла нули» [6, с. 233]. Зоя действует подобно герою повести Л. Толстого «Фальшивый купон» (1902–1904), подставившему в купоне лишнюю единичку.

В «Пьедестале» есть еще несколько скрытых отсылок к Толстому. Учитель Константина Смородина – «добрый человек, не от мира сего, дядя Иван, коновал, философ и художник» – проповедует принципы, напоминающие о толстовстве: непротивление, нестяжание, природоцентризм руссоистского толка. Дядя Иван и Зоя – еще одна пара двойников / антагонистов. И герой, и героиня – люди «не от мира сего», но причины их разлада с реальностью диаметрально противоположны. Дядя Иван скорбит об утраченной гармонии в мире, материальная же сторона жизни его не интересует вообще: «Философия дяди Ивана покоилась на трех китах. 1. Когда тебя обижают кто-нибудь, ты думай про того: “Дурак, делать, что ли, больше нечего?” 2. Не гонись за богатством – меньше хлопот. 3. Самые хорошие люди –

кони. Когда изведут всех коней под корень, наступит конец света, в том смысле, что каждый озлобится на каждого» [6, с. 230–231]. «Иная жизнь» Зои – это место, «где дни и ночи тихо истлевали бы в довольстве и пресыщении» [6, с. 233]. И дядя Иван, и Зоя поощряют творческую активность Константина Смородина, причем в обоих случаях главным стимулом созидания является злость. Но и в этом случае сходство чисто внешнее. Для дяди Ивана главное – «как-нибудь скрасить людям жизнь», искусство – это сублимация агрессии в нечто прекрасное: «Хорошая злость помогает в работе, это еще мой учитель говорил. “Как, говорит, дойдет, что охота укусить кого-нибудь, – беги к холсту!”» [6, с. 230]. Зоя же – катализатор сугубо деструктивной озлобленности на «всех и всё»: «И стало это у Константина Смородина как болезнь: днем, на работе, рисует свои вывески, плакаты, афиши, а вечером, дома, начинает все ругать – свою работу, своих начальников, краски, зрителя, всех и всё» [6, с. 229]. Состояние «свирепой решимости» неорганично для «добродушного и доверчивого» Константина Смородина (как не по размеру ему пляжный халат 54-го размера). В этом несоответствии причина неуспеха картины «Самоубийца». «Да и тема-то вовсе не твоя, ты вон какой... окорок, с чего вдруг самоубийство-то?» – пронзительно заметит художник Коля [6, с. 237].

В повести Толстого изготовление фальшивого купона запускает цепочку чудовищных обманов и кровавых преступлений. Традиционная мораль обанкротилась, но и имморализм сильной личности (воспетый Ницше) для Толстого неприемлем. У немецкого мыслителя фальшивомонетчик – это мораль. Автор «Воли к власти» задает прямой вопрос: «Не напоминает ли мораль в известном отношении фальшивомонетчика?» [2, с. 144]. В основе сравнения – аналогия между относительностью моральных норм, неоднократно акцентированной в трудах Ницше, и условной, конвенциональной ценностью денег.

Шукшину, ближе, конечно, Лев Толстой, а не Ницше. В «Пьедестале» ницшевская формула из «Воли к власти» словно бы вывернута наизнанку. По Шукшину, фальшивомонетчик – тот, кто претендует на статус сверхчеловека. Если философия дяди Ивана близка толстовству, то философия Зои Смородиной сродни ницшеанству – это соединение витальности (само ее имя происходит от греческого – жизнь), пессимизма (тема и сюжет «Самоубийцы» принадлежат именно Зое) и демонизма («темный пушок» на верхней губе – устойчивый знак шукшинской демонической женщины). Важнейший элемент мировоззрения героини – культ силы. В ответ на предложение Константина нарисовать «передовика какого-нибудь» Зоя заявляет: «Что ты! Это вшивота. Крохоборство. Это же дешевка!». «Все же прекрасен сильный человек!» – комментирует реплики героини рассказчик [6, с. 233].

Шукшинский «сильный», «энергичный» человек неизбежно вступает в жесткий конфликт с действительностью и в результате оказывается распят между двумя мирами: подлинным и вымышленным. В реальности

Зоя Смородина «только с презрением, брезгливо» «пребывает», а по-настоящему она живет в каком-то ином мире: «глаза ее явственно светились светом иной жизни, той жизни, где она жила мыслями, – в жизни, <...> где не надо продавать билеты, где ничего не надо делать, может быть, играть в пинг-понг, ибо делать что-нибудь за кусок хлеба – это мерзко, гадко, противно, наконец просто неохота. Она знала, что такая жизнь есть. Где она, такая жизнь, черт ее знает, но она всем существом была в той жизни» [6, с. 233]. Таким образом, еще одна грань символики фальшивых денег связана со стремлением человека уйти от реальности.

У героев рассказа «Пьедестал» заметна странная тяга к маргинальному миру заключенных. Даже художник Коля в тюрьме не сидевший допытывается у Константина Смородина: «А интересно там, да? Мне охота бы побывать, только недолго, ну ее к черту... Не вытерплю долго. С полгода бы вытерпел» [6, с. 236].

Шукшин интенсивно использует в тексте «сочный, богатый образами язык» заключенных [6, с. 230]. В этой связи надо учесть, что слово «зоя» в воровском жаргоне означает «растяпа» [4, с. 58]. Судьба героини, ее финальное поражение закодировано уже в самом ее имени. Главное «успешное» деяние Зои – «подставлять нули» [6, с. 233]. Пустота на пьедестале – закономерный итог такого жизненного выбора.

Литература

1. Аннинский, Л. Комментарии / Л. Аннинский // Шукшин В. М. Собрание сочинений: В 6-ти т. – Москва: Молодая гвардия, 1993. – Т. 3. – С. 591–605.
2. Ницше, Ф. Воля к власти / Ф. Ницше. – Москва: REFL-book, 1994. – 352 с.
3. Рясенцев, Б.К. В.М. Шукшин в Новосибирске / Б. К. Рясенцев // Статьи и воспоминания о Василии Шукшине. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1989. – С. 257–272.
4. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). Составил по новейшим данным С. М, Потапов. – Москва: НКВД, 1927. – 197 с.
5. Слово о писателе // Сельская молодежь. – 1973. – № 5. – С. 44.
6. Шукшин, В.М. Пьедестал / В.М. Шукшин // Шукшин В.М. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 3. – Москва: Молодая гвардия, 1993. – С. 229–238.

A.I. Kulyapin

Altai State Pedagogical University;

Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky

e-mail: iskander58@mail.ru

Counterfeiters: the poetics of V.M. Shukshin's short story "Pedestal"

Key words: V.M. Shukshin, poetics, symbolism, composition, duality.

The features of the poetics of the late Shukshin are considered in the article based on the material of the short story "Pedestal" (1973). The main character of the story is a self-taught artist, a former counterfeiter. The symbolism of counterfeit money is linked by Shukshin not so much with the sphere of art as with the sphere of morality. Entering into a dialogue with Nietzsche and Tolstoy, Shukshin combines ethical and aesthetic issues. Another facet of the symbolism of counterfeit money is related to a person's desire to escape from reality.